

Ж.Р. Муканова* 

докторант

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
г. Алматы, Казахстан

zhazira82MR@gmail.com

Ж.Б. Ибраева 

кандидат филологических наук, ассоциированный профессор
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

г. Алматы, Казахстан

igb1006@mail.ru

НАРРАТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

(на материале романов А. Нурпеисова «Последний долг» и
К. Исигуро «Художник зыбкого мира»)

Аннотация. В статье рассматривается проблема нарративной памяти и забвения в ретроспективной прозе XX века на материале произведений К. Исигуро и А. Нурпеисова. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления памяти не только как тематического мотива, но и как структурного механизма художественного повествования. В работе выявлено, что обращение к прошлому в анализируемых текстах носит не репродуктивный, а нарративно-конструктивный характер. Установлено, что в прозе К. Исигуро память реализуется преимущественно в индивидуальной форме и сопровождается селективным забвением, выполняющим функцию упорядочивания пережитого опыта. Определено, что в прозе А. Нурпеисова ретроспективное повествование ориентировано на коллективный исторический опыт, где память выступает как средство сохранения культурной и нравственной преемственности. Сделан вывод о типологическом различии индивидуальных и коллективных моделей нарративной памяти, определяющих способы художественного осмысления прошлого.

Ключевые слова: память, забвение, нарратив, Нурпеисов, Исигуро, ретроспективная проза.

Введение. Вторая половина XX века в мировой прозе характеризуется устойчивым интересом к формам художественного осмысления прошлого, что обусловило активное развитие ретроспективного повествования как одного из доминирующих типов нарративной организации текста. В рамках данного типа прозы память перестаёт выступать исключительно тематическим компонентом и приобретает статус структурного принципа, определяющего логику развертывания повествования, позицию рассказчика и способы репрезентации событий. Особое значение в этой связи

приобретает проблема забвения, которое начинает функционировать как особая форма нарративного оформления.

Актуальность настоящего исследования определяется, с одной стороны, устойчивым интересом современного литературоведения к феномену памяти в художественном тексте, а с другой - отсутствием исчерпывающих ответов на вопрос о нарративных формах и функциях забвения в структуре ретроспективного повествования. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых памяти в философском, культурологическом и психологическом

ком аспектах, литературоведческий анализ памяти и забвения как категорий повествовательной структуры остаётся фрагментарным.

Выбор романов Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» (2000) и Кадзуо Исигуро «Художник зыбкого мира» (1986) обусловлен их принадлежностью к ретроспективной прозе, в которой повествование выстраивается из позиции временной и ценностной дистанции по отношению к изображаемым событиям. В обоих произведениях прошлое репрезентируется не как завершённая и однозначная последовательность фактов, а как процесс повторного осмысления, сопровождающийся фрагментацией и смысловой переоценкой воспоминаний. При этом, сопоставление данных текстов представляется методологически продуктивным, поскольку позволяет выявить типологически сходные и различающиеся формы нарративной организации памяти и забвения, не сводя анализ к культурологическим или историко-литературным обобщениям.

Научная новизна исследования заключается в анализе нарративной памяти и забвения как структурных категорий ретроспективного повествования в прозе К. Исигуро и А. Нурпеисова.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в дальнейших литературоведческих исследованиях и в образовательной практике по теории литературы.

Условия и методы исследований. Материал исследования составляют романы «Художник зыбкого мира» К. Исигуро и «Последний долг» А. Нурпеисова, анализируемые как целостные художественные тексты. Анализ

осуществляется в рамках текстоцентричного подхода с разграничением автора, повествователя и персонажа, что позволяет рассматривать память и забвение на уровне нарративной организации повествования.

Методологическую основу исследования составляет нарратологический анализ, опирающийся на теорию повествовательного времени и ретроспекции Ж. Женетта [1], что позволяет рассматривать прошлое как результат временных и композиционных смещений в структуре повествования. Интерпретация повествовательного сознания соотносится с диалогической концепцией художественного слова М. Бахтина [2], в рамках которой акт рассказывания понимается как форма осмысления опыта. Анализ памяти опирается также на нарративную философию П. Рикёра [3] и теорию культурной и коллективной памяти Я. Ассмана [4], позволяющие рассматривать индивидуальные воспоминания в их связи с историческими и культурными формами репрезентации прошлого.

Для сопоставления анализируемых произведений используется сравнительно-типологический метод, направленный на выявление общих и специфических моделей нарративной организации памяти и забвения в ретроспективной прозе. Данный подход ориентирован на установление типологических закономерностей повествовательной структуры, а не на описание культурных различий. Совокупность применяемых теоретических положений и методов обеспечивает соответствие исследования его цели и предмету, позволяя рассматривать нарративную память и забвение как структурные категории ретроспективного повествования в

рамках литературоведческого анализа.

Результаты исследований. Анализ художественных текстов и привлечённых теоретических концепций показывает, что обращение к памяти и забвению в ретроспективной прозе XX века носит не репродуктивный, а нарративно-конструктивный характер.

В прозе К. Исигуро прошлое конструируется преимущественно через индивидуальное сознание повествователя.

Действие романа К. Исигуро «Художник зыбкого мира» охватывает период с октября 1948 по июнь 1950 года и подаётся через сознание отставного художника Масудзи Оно. Ретроспективный опыт в тексте не представлен напрямую: он постепенно реконструируется читателем из оговорок, пауз, недомолвок и временных смещений в повествовании. Такая организация нарратива позволяет рассматривать память как повествовательную модель, формирующуюся в процессе рассказывания, что соотносится с пониманием памяти как конфигурации смысла в работах П. Рикёра.

На первый взгляд может показаться, что герой вытесняет свою причастность к милитаристской пропаганде довоенной Японии. Однако текст не подтверждает подобную интерпретацию. Напротив, главный герой прямо признаёт свою ответственность за прошлые действия: «Я охотно признаю, что допустил немало ошибок» [5, 123]. Вместе с тем это признание подаётся в сдержанном, уравновешенном и сглаженном тоне, что становится принципиально важной характеристикой повествовательного сознания героя.

Кульминационным моментом романа выступает сцена семейных

переговоров о браке дочери, где Оно публично берёт на себя ответственность за прошлое, одновременно подчёркивая, что «*в то время я искренне верил, что действовал правильно*» [5, 124], а потому считает, что «*в ошибках, совершённых из лучших побуждений, нет ничего постыдного*» [5, 125]. Ключевым здесь становится расхождение между спокойной, примирённой интонацией рассказчика и моральным масштабом исторических событий, о которых он говорит. Именно это несоответствие создаёт внутреннее напряжение текста и вызывает у читателя чувство тревоги.

Пережитое в романе не подавляется и не вытесняется, однако последовательно лишается драматической остроты, нейтрализуется через язык сдержанности и оформляется как завершённый, «принятый» жизненный опыт. Это проявляется и в том, как общество дистанцируется от болезненных аспектов прошлого героя: «*Окружающие нередко относились ко мне так, словно возраст уже избавил меня от необходимости вспоминать прежние годы*» [5, 132]. В этом контексте забвение может быть интерпретировано не как отрицание прошлого, а как форма его селективного упорядочивания, что соотносится с трактовкой забвения в теории культурной памяти Я. Ассмана как необходимого механизма структурирования коллективного и индивидуального опыта.

Датский литературовед Ларс Оле Сауэрберг рассматривает память и историю как ключевые формообразующие компоненты нарратива, подчёркивая этическое измерение художественного осмысления прошлого. Анализируя роман Исигуро, он отмечает, что повествование

выстраивается через манипуляции временем, историей, историографией и памятью, формируя частные и публичные конфигурации прошлого в той мере, в какой оно оказывается значимым для настоящего [6, 178].

Манера, в которой Масудзи Оно говорит о своём прошлом, может быть понята как своеобразный нравственный компромисс, поддерживаемый и окружающим его обществом, стремящимся к сохранению внешнего согласия и «лица». В результате роман демонстрирует, что индивидуальная память способна придавать пережитому внутреннюю цельность, одновременно ослабляя остроту его трагического и нравственного звучания. Показателен в этом отношении и финал повествования, где герой отмечает: *«у нашей страны теперь появился ещё один шанс начать всё лучше»* [5, 206].

Нарративная ненадёжность персонажа приобретает принципиальное значение для понимания механизмов памяти и забвения в романе. Повествование у Исигуро не направлено на достоверную реконструкцию прошлого; напротив, оно демонстрирует, каким образом субъективное сознание интерпретирует и заново конструирует жизненный опыт посредством рассказа. Тяжёлые личные утраты Оно - гибель жены во время бомбардировки и смерть сына на войне - не проговариваются напрямую, но возвращаются фрагментарно через образы разрушенного дома, пространственные метафоры утраты и косвенные воспоминания. Подобная организация нарратива подтверждает, что забвение в прозе Исигуро носит не радикальный, а селективный характер и выступает необходимым элементом нарративного упорядочивания опыта.

Не случайно, как отмечается в формулировке Нобелевского комитета, творчество Исигуро сосредоточено не на искуплении прошлого, а на исследовании тех форм забывания, которые позволяют личности и обществу сохранять внутреннюю устойчивость [7, с. 42–43].

Данное понимание памяти как нарративно организованного и селективного процесса находит подтверждение и в современных исследованиях прозы Исигуро. Так, К. Чарлвуд [8] подчёркивает, что обращение к прошлому в романах писателя связано не с восстановлением утраченного опыта, а с его переосмыслением и перераспределением значимости в перспективе настоящего, что в полной мере соотносится с выводами, полученными в настоящем исследовании. Подобная модель индивидуальной нарративной памяти, допускающая селективное забвение, позволяет перейти к рассмотрению иной формы ретроспективного повествования - коллективной памяти, реализуемой в прозе А. Нурпеисова.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в ретроспективной прозе А. Нурпеисова память выполняет не только тематическую, но прежде всего структурообразующую нарративную функцию, определяя способы репрезентации прошлого в сознании персонажей и в композиционной логике текста. В дилогии «Последний долг» прошлое не разворачивается как линейная хроника, а предъясняется через систему ретроспективных возвращений, внутренних размышлений и повторяющихся мотивов, формирующих особый ритм повествования.

Современные казахстанские исследователи подчёркивают, что в романе принципиально значимо пространство нравственной и

исторической памяти, посредством которого художественный мир связывает прошлое, настоящее и перспективу будущего [9]. Такая установка позволяет рассматривать произведение как модель коллективной памяти, в которой прошлое выступает не в форме индивидуальной исповеди, а как обобщённый общественный опыт, зафиксированный в судьбах героев и в культурном коде эпохи.

Нарративная организация романа ориентирована на внутреннюю рефлексию и постепенное «разворачивание» прошлого в сознании главного героя – Жадигера. Катастрофа Аральского мира раскрывается Нурпеисовым не как внешний сюжетный фон, а как состояние, затрагивающее фундаментальные основания человеческого существования и ответственности, проявляющаяся через философские раздумья героя и его постоянные обращения к прожитому: *«Вспомни, разве в былые времена...»* [10, 14]; *«О, какие это были дни!»* [10, 15]; *«В самом деле, где они теперь, эти дни прошлого...»* [10, 16]; *«Так бывало всегда. Так было в прошлом. А сегодня?»* [10, 16].

Исследователи романа отмечают, что воспоминания о прошлом, связанные с жизненным опытом Жадигера, всякий раз отзываются в его сознании мучительным ощущением утраты и сожаления, что подчёркивает болезненный характер нарративной памяти и её эмоциональную нагруженность: *«Өткен өмірді еске түсіргенде, қаһарманның көңілін әлдебір ащы өкініш үнемі тілгілеп өтеді»* [11, с. 146].

В казахстанской литературоведческой критике подчёркивается и специфика нарративного подхода Нурпеисова: если в ряде

произведений экологической прозы катастрофа может передаваться через поток сознания или фрагментарное восприятие, то в «Последнем долге» ключевым становится именно персональная рефлексия героя, через которую «прочитывается» состояние общества в целом [12]. В этом ракурсе память выступает не как «архив фактов», а как механизм нравственного осмысления, формирующий ретроспективную структуру повествования.

В прозе Нурпеисова память приобретает общественно-историческое измерение, включая разрушение Аральского мира, кризис традиционного уклада и проблему ответственности человека перед природой, историей и будущими поколениями; вследствие этого пережитый опыт осмысливается не как частное воспоминание героя, а как обобщённое историческое знание. Показательно, что обращение к прошлому в тексте сопровождается не личной ностальгией, а ощущением утраченного общественного порядка и коллективной ответственности: *«О, минувшие дни! Прошлое время не оставляет после себя следов. Теперь те далекие дни, словно призрачный сон, канули в небытие! Что теперь скажешь о тех днях?.. В ту пору судьба еще не отвернулась от старого доброго нашего кормильца – моря.. Что поделаешь... Когда, в какие времена власть считалась с волей народа?»* [10, 128].

Особого внимания заслуживает и тот факт, что в новейшей казахстанской критике диалогия рассматривается как текст, в котором прошлое не просто вспоминается, а пересобирается через систему культурных отсылок и интертекстуальных включений [13]. Использование цитат и афористических форм расширяет

границы изображаемого мира, подчёркивая преемственность исторических пластов и создавая эффект диалога эпох. Такая стратегия делает память не индивидуально замкнутой, а распределённой между личным опытом персонажа и коллективными формами культурной памяти.

Мифопоэтический аспект романа также оказывается значимым для анализа нарративной памяти и забвения. Однако в данном исследовании миф рассматривается не сам по себе, а как язык закрепления прошлого. Как отмечает Э.Т. Какильбаева [14], мифологемы в произведении выполняют структурообразующую функцию и

могут быть поняты как форма «живой памяти» о прошлом, противостоящая его стиранию и забвению. В результате роман «Последний долг» демонстрирует, что прошлое становится значимым для настоящего не через прямую хроникальность, а через нарративные формы удержания опыта – повторяющиеся мотивы, символические «узлы» (Арал как память-катастрофа), интертекстуальные включения и внутреннюю речь героя.

Для краткого обобщения выявленных различий в формах нарративной памяти и забвения представим основные результаты исследования в виде сравнительно-сопоставительной таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Нарративная память и забвение в ретроспективной прозе XX века

Параметры анализа	А. Нурпеисов «Последний долг»	К. Исигуро «Художник зыбкого мира»
Тип памяти	коллективная	индивидуальная
Характер памяти	исторически обусловленная	избирательная, субъективная
Способ репрезентации прошлого	Развёрнутый, исторически насыщенный	Фрагментарный, ретроспективный
Роль забвения	Сопротивление забвению как условие сохранения памяти	Избирательное забвение как способ упорядочивания опыта
Позиция повествователя	Коллективное историческое сознание	Личное сознание
Функции ретроспекции	Удержание исторической значимости прошлого	Примирение с прошлым

Таким образом, представленные данные демонстрируют типологическое различие между индивидуальной и коллективной моделями ретроспективного повествования в прозе К. Исигуро и А. Нурпеисова.

Обсуждение результатов исследований. Представленные результаты позволяют рассматривать нарративную память и забвение не как вспомогательные мотивы ретроспективной прозы, а как ключевые принципы её структурной организации. Такой подход смещает исследовательский фокус с интерпретации отдельных сюжетных

эпизодов на анализ способов повествовательной конфигурации прошлого, что представляется продуктивным для осмысления литературы XX века, в которой обращение к прошлому всё чаще принимает опосредованный, рефлексивный характер.

Значимость предложенной методологии заключается в том, что память в художественном тексте осмысливается не как отражение исторической реальности, а как нарративный процесс отбора, упорядочивания и перераспределения смыслов. В этом контексте забвение

перестаёт восприниматься исключительно как утрата или дефицит памяти и рассматривается как структурно необходимый элемент повествования, обеспечивающий его связность, завершённость и функциональную устойчивость.

Сопоставление индивидуальной и коллективной моделей нарративной памяти показывает, что различия между ними имеют типологический, а не тематический характер. Это позволяет выйти за рамки культурно-исторических или национальных противопоставлений и рассматривать ретроспективное повествование как универсальный литературный механизм, по-разному реализующийся в зависимости от масштаба повествовательного сознания и функций памяти в тексте [15].

Перспективность предложенного подхода заключается также в возможности его применения к анализу других жанровых форм и литературных традиций, включая посттравматическую прозу, романы памяти, автобиографические и псевдо-мемуарные тексты. Рассмотрение памяти и забвения как структурных категорий повествования открывает дополнительные возможности для изучения механизмов художественного осмысления исторического опыта, а также для анализа взаимодействия индивидуального и коллективного в литературе новейшего времени.

Таким образом, предложенная в статье модель анализа позволяет рассматривать ретроспективную прозу как пространство диалога между прошлым и настоящим, в котором память и забвение выступают базовыми принципами повествовательной организации, определяющими способы репрезентации опыта и его культурной значимости.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что в ретроспективной прозе XX века память и забвение функционируют не как средства воспроизведения прошлого, а как нарративные механизмы его художественной конфигурации. Анализ произведений К. Исигуро и А. Нурпеисова позволяет утверждать, что обращение к прошлому в этих текстах носит конструктивный характер и определяется особенностями повествовательной организации, а не стремлением к восстановлению объективной исторической реальности.

В прозе К. Исигуро нарративная память реализуется преимущественно в индивидуальном измерении и характеризуется избирательностью: прошлый опыт реконструируется через фрагментарные воспоминания, сдержанную интонацию и селективное забвение, выполняющее функцию упорядочивания и внутреннего равновесия субъекта. Напротив, в прозе А. Нурпеисова ретроспективное повествование ориентировано на коллективный исторический опыт, где память приобретает надличностный характер и направлена на удержание значимых событий прошлого, она противостоит забвению как угрозе утраты исторической и нравственной преемственности.

Сопоставление этих моделей выявляет типологическое различие между индивидуальной и коллективной формами нарративной памяти, а также различие в функциональной роли забвения - как инструмента адаптации у Исигуро и как объекта сопротивления у Нурпеисова. Тем самым подтверждается, что нарративная память и забвение в ретроспективной прозе выступают не вспомогательными мотивами, а

фундаментальными принципами организации художественного текста, определяющими способы осмысления прошлого в соотнесённости с настоящим.

Список литературы

1. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс: очерк методологии/пер. с франц. [Текст] - М.: Гнозис, 1994. - 272 с
2. Бахтин, М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х - начала 1960-х годов. [Текст] - Москва: Русские словари, 1996.
3. Рикер, П. Память, история, забвение/Пер. с франц. [Текст]- М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004-728 с.
4. Ассман, Я. Культурная память: писанные тексты, память и политическая идентичность в древних высоких культурах / пер. с нем. [Текст] - М.: Академический проект, 2008. - 448 с.
5. Исигуро, К. Художник зыбкого мира [Текст] / Кадзуо Исигуро; пер. с англ. Ирины Тогоевой. - Санкт-Петербург: Домино; Москва: Эксмо, 2007. – 298 с.
6. Sauerberg, Lars O. Coming to Terms - Literary Configurations of the Past in Kazuo Ishiguro's An Artist of the Floating World and Timothy Mo's An Insular Possession // EurAmerica: A Journal of European and American Studies, 2006. No. 36. P. 175-202. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://scispace.com/pdf/coming-to-terms-literary-configurations-of-the-past-in-kazuo-3fff86ls03.pdf>. Дата обращения: 24.12.25.
7. Бегматова С. М. Изображение элементов прошлого и памяти в творчестве Кадзуо Исигуро: на примере работы «Художник зыбкого мира» [Текст] // Вестник науки и образования. - 2021. - №8-3 (111).- С. 41-43 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-elementov-proshlogo-i-pamyati-v-tvorchestve-kadzuo-isiguro-na-primere-raboty-hudozhnik-zybkogo-mira>. Дата обращения: 24.12.2025.
8. Charlwood C. «Stop ... and Remember»: Memory and ageing in Kazuo Ishiguro's novels // American, British and Canadian Studies, 2019. No. 31(1). P. 86 - 113. DOI: <https://doi.org/10.2478/abcsj-2018-0018>
9. Ибраева, Ж.Б. и др. Онтологические проблемы в романе А. Нурпеисова «Последний долг» [Текст] // Керуен. -2023.- Т. 81, № 4. - С. 187 - 198. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-15>
10. Нурпеисов А. Последний долг: Роман [Текст] / А. Нурпеисов. – М.: РИК «Культура», 2002.- 384 с.
11. Сәменқызы, Ұ., Тұрысбек Р., Селами Федакар Ә. Нұрпейісовтің «соңғы парыз» романындағы тұлғаның көркемдік концепциясы [Текст] // Ясауи университетінің хабаршысы.- 2023.- Том 2 № 128. С.137-152. DOI: <https://doi.org/10.47526/2023-2/2664-0686.11>
12. Досмаханова, Р.А., Мирзоева Л.Ю., Ажиев К.О. Об авторских стратегиях в казахской экологической прозе [Текст] // Вестник Торайгыров университета. Филологическая серия. – 2024.-№4.- С. 132-143. DOI: <https://doi.org/10.48081/JKAE4079>
13. Темирболат А.Б. Особенности развития казахской прозы в период независимости [Текст] // Керуен. - 2023.- Т. 78, № 1. – С. 24-38. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
14. Какильбаева Э.Т. Поэтика диалогии Абдижамила нурпеисова «Последний долг» в мифологическом аспекте [Текст] // Полилингвильность и транскультурные практики.- 2020. -Т. 17. № 2.- С. 204-214. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-204-214>
15. Әбдіқадырова, Т.Р. Көркем шығармалардағы психологизмнің көрінісі [Мәтін] / Т.Р. Әбдіқадырова, Ж. Жанатбекқызы // Dlaty University Хабаршысы. – 2024. – №2. – Б. 8-17. <https://doi.org/10.55956/RVXX5764>

Ж.Р. Муканова, Ж.Б. Ибраева

*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан*

**XX ҒАСЫРДЫҢ РЕТРОСПЕКТИВТІ ПРОЗАСЫНДАҒЫ НАРРАТИВТІК ЕСТЕ
САҚТАУ МЕН ҰМЫТЫЛУ**

(А. Нұрпейісовтің «Соңғы парыз» және К. Исигуроның «Қалқымалы әлемнің суретшісі» романдары негізінде)

Аңдатпа. Мақалада XX ғасырдың ретроспективті прозасындағы нарративтік есте сақтау мен ұмытылу мәселесі К. Исигуро мен А. Нұрпейісов шығармалары негізінде қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі өткенді тек тақырыптық мотив ретінде ғана емес, көркем баяндаудың құрылымдық механизмі ретінде пайымдау қажеттілігімен айқындалады. Осы зерттеу жұмысында талданған мәтіндерде өткенге жүгіну репродуктивті емес, нарративтік-конструктивті сипатта екені анықталды. К. Исигуро прозасында есте сақтау көбіне индивидуалдық деңгейде жүзеге асып, бастан кешкен тәжірибені жүйелеу қызметін атқаратын селективті ұмытылумен қатар жүретіні белгіленді. Ал А. Нұрпейісов прозасында ретроспективті баяндау ұжымдық тарихи тәжірибеге бағытталып, өткенді зерделеу мәдени және адамгершілік сабақтастықты сақтаудың құралы ретінде көрініс табатыны айқындалды. Нәтижесінде нарративтік есте сақтаудың индивидуалдық және ұжымдық модельдері арасындағы типологиялық айырмашылықтар анықталып, олардың өткенді көркемдік тұрғыдан түсіндіру тәсілдерін айқындайтыны тұжырымдалды.

Тірек сөздер: есте сақтау, ұмытылу, нарратив, Нұрпейісов, Исигуро, ретроспективті проза.

Zh. R. Mukanova, Zh. B. Ibraeva

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

NARRATIVE MEMORY AND FORGETTING IN TWENTIETH-CENTURY RETROSPECTIVE PROSE

(A study of A. Nurpeisov's *The Last Duty* and
K. Ishiguro's *An Artist of the Floating World*)

Abstract. The article examines the problem of narrative memory and forgetting in twentieth-century retrospective prose, drawing on the works of K. Ishiguro and A. Nurpeisov. The relevance of the study is determined by the need to conceptualize memory not only as a thematic motif but also as a structural mechanism of literary narration. The analysis reveals that the representation of the past in the selected texts is not reproductive but narrative-constructive in nature. It is established that in K. Ishiguro's prose memory is predominantly realized in an individual form and is accompanied by selective forgetting, which serves to organize lived experience. It is determined that in A. Nurpeisov's prose retrospective narration is oriented toward collective historical experience, where memory functions as a means of preserving cultural and moral continuity. The study concludes by identifying a typological distinction between individual and collective models of narrative memory, which shape different modes of artistic interpretation of the past.

Keywords: memory, forgetting, narrative, Nurpeisov, Ishiguro, retrospective prose.

References

1. Zhenett ZH. Povestvovatel'nyj diskurs: ocherk metodologii/per. s franc.[Tekst] - M.: Gnozis, 1994. - 272 s.
2. Bahtin, M. M. *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5: Raboty 1940-h - nachala 1960-h godov.* [Tekst] - Moskva: Russkie slovari, 1996.
3. Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie*/Per. s franc. [Tekst]- M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004-728 s.
4. Assman YA. *Kul'turnaya pamyat': pisanye teksty, pamyat' i politicheskaya identichnost' v drevnih vysokih kul'turah* / per. s nem. [Tekst] - M.: Akademicheskij proekt, 2008. - 448 s.
5. Ishiguro K. *Hudozhnik zybkoogo mira* [Tekst] / Kadzuo Ishiguro; per. s angl. Iriny Togoevoj. - Sankt-Peterburg: Domino; Moskva: Eksmo, 2007. – 298 s.

6. Sauerberg, Lars O. Coming to Terms - Literary Configurations of the Past in Kazuo Ishiguro's *An Artist of the Floating World* and Timothy Mo's *An Insular Possession* // *EurAmerica: A Journal of European and American Studies*, 2006. No. 36. P. 175-202. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://scispace.com/pdf/coming-to-terms-literary-configurations-of-the-past-in-kazuo-3tff86ls03.pdf>. Data obrashcheniya: 24.12.25.
7. Begmatova S. M. Izobrazhenie elementov proshlogo i pamyati v tvorchestve Kadzuo Isiguro: na primere raboty «Hudozhnik zybkgogo mira» [Tekst] // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. - 2021. - №8-3 (111).- S. 41-43 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-elementov-proshlogo-i-pamyati-v-tvorchestve-kadzuo-isiguro-na-primere-raboty-hudozhnik-zybkogo-mira>. Data obrashcheniya: 24.12.2025.
8. Charlwood C. «Stop ... and Remember»: Memory and ageing in Kazuo Ishiguro's novels // *American, British and Canadian Studies*, 2019. No. 31(1). P. 86 - 113. DOI: <https://doi.org/10.2478/abcsj-2018-0018>
9. Ibraeva ZH.B. i dr. Ontologicheskie problemy v romane A. Nurpeisova «Poslednij dolg» [Tekst] // *Keruen*. -2023.- T. 81, № 4. - S. 187 - 198. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-15>
10. Nurpeisov A. *Poslednij dolg: Roman* [Tekst] / A. Nurpeisov. – M.: RIK «Kul'tura», 2002.- 384 s.
11. Sәmenқызы Ұ., Тұрысбек Р., Selami Fedakar Ә. Nұrpejisovtiң «соңғы paryz» romanynдағы тұлғаның көркемдік концепциясы [Tekst]// YAsaui universitetiniң habarshysy.- 2023.- Tom 2 № 128. S.137-152. DOI: <https://doi.org/10.47526/2023-2/2664-0686.11>
12. Dosmahanova R.A., Mirzoeva L.YU., Azhiev K.O. Ob avtorskih strategiyah v kazahskoj ekologicheskoy proze [Tekst] // *Vestnik Torajgyrov universiteta. Filologicheskaya seriya*. – 2024.-№4.- S. 132-143. DOI: <https://doi.org/10.48081/JKAE4079>
13. Temirbolat A.B. Osobennosti razvitiya kazahskoj prozy v period nezavisimosti [Tekst] // *Keruen*. - 2023.- T. 78, № 1. – S. 24-38. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
14. Kakil'baeva E.T. Poetika dialogii Abdizhamila nurpeisova «Poslednij dolg» v mifologicheskoy aspekte [Tekst] // *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*.- 2020.-T. 17. № 2.- S. 204-214. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-204-214>
15. ӘбдіқадYROVA, T.R. Көркем шығармалардағы психологизмнің көрінісі [Мәтін] / T.R. ӘбдіқадYROVA, ZH. Zhanatbekқызы //Dulaty University Habarshysy. – 2024. – №2. – B. 8-17. DOI: <https://doi.org/10.55956/RVXX5764>

Поступило в редакцию 4.02.2026

Принято в печать 31.03.2026

Ссылка на статью:

*



Copyright: © 2024 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).